

Лев Троцкий Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?¹ (Извлечение)

Семейный термидор

Октябрьская революция честно выполнила обязательства по отношению к женщине. Молодая власть не только дала ей все политические и юридические права, наравне с мужчиной, но, что еще важнее, сделала все, что могла, и во всяком случае — неизмеримо больше, чем какая-либо другая власть, чтоб действительно открыть ей доступ ко всем видам хозяйственной и культурной работы. Однако самая смелая революция, как и «всемогущий» британский парламент, не может превратить женщину в мужчину или, лучше сказать, не может разделить между ними поровну ношу беременности, родов, кормления и воспитания детей. Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», т.е. то архаическое, затхлое и косное учреждение, в котором женщина трудящихся классов отбывает каторжные работы с детских лет и до смерти. Место семьи, как замкнутого мелкого предприятия, должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания: родильные дома, ясли, детские сады, школы, общественные столовые, общественные прачечные, амбулатории, больницы, санатории, спортивные организации, кино, театры и проч. Полное поглощение хозяйственных функций семьи учреждениями социалистического общества, связывающего солидарностью и взаимной заботой все поколения, должно было принести женщине, и тем самым — любящей чете, действительное освобождение от тысячелетних оков. Доколе эта задача задач не разрешена, 40 миллионов советских семей остаются, в подавляющем большинстве своем, гнездами средневековья, женской кабалы и истерии, повседневных детских унижений, женских и детских суеверий. Никакие иллюзии на этот счет недопустимы. Именно поэтому последовательные изменения постановки вопроса о семье в СССР наилучше характеризуют действительную природу советского общества и эволюцию его правящего слоя.

¹ Данная работа была написана Л. Троцким после высылки из СССР, во время вынужденной эмиграции в Норвегии. Впервые издана в 1936 г.

Взять старую семью штурмом не удалось. Не потому, что не хватило доброй воли. И не потому, что семья так прочно держалась в сердцах. Наоборот, после короткого периода недоверия к государству, его яслям, детским садам и подобным учреждениям, работницы, а за ними и передовые крестьянки, оценили неизмеримые преимущества коллективного ухода за детьми, как и обобществления всего семейного хозяйства. К несчастью, общество оказалось слишком бедно и малокультурно. Планам и намерениям коммунистической партии не отвечали реальные ресурсы государства. Семью нельзя «отменить»: ее надо заменить. Действительное освобождение женщины неосуществимо на фундаменте «обобщенной нужды». Опыт скоро обнаружил эту суровую истину, которую Маркс формулировал за 80 лет до того.

В голодные годы рабочие везде, где могли, отчасти и семьи их, кормились в заводских и иных общественных столовых, и этот факт официально расценивался как переход к социалистическим формам быта. Нет надобности снова останавливаться на особенностях отдельных периодов: военного коммунизма, нэпа, первой пятилетки. Факт таков, что с момента отмены карточной системы в 1935 г. все лучше поставленные рабочие начали возвращаться к домашнему столу. Было бы неправильно расценивать это отступление как осуждение социалистической системы, которая вовсе и не подвергалась испытанию. Но тем более уничтожающую оценку дали рабочие и их жены «общественному питанию», организованному бюрократией. Тот же самый вывод приходится распространить на общественные прачечные, где больше расхищают и портят белье, чем стирают его. Назад к семейному очагу! Но домашний стол и домашняя стирка, которые теперь полустыдливо рекламируются ораторами и журналистами, означают возвращение рабочих жен к горшкам и корытам, т.е. к старому рабству. Вряд ли резолюция Коминтерна о «полной и бесповоротной победе социализма в СССР» звучит очень убедительно для женщины предместья!

Деревенская семья, связанная не только с домашним, но и с сельским хозяйством, несравненно устойчивее и консервативнее городской. Только малочисленные и по общему правилу худосочные сельскохозяйственные коммуны вводили у себя в первый период общественное питание и ясли. Коллективизация, как возмещалось вначале, должна была произвести решительный переворот и в сфере семьи: недаром же у крестьян экспроприировались не только коровы, но и куры. В сообщениях о триумфальном шествии общественного питания в деревне недостатка во всяком случае не было. Но когда началось отступление, реальность

сразу выступила из-под пены хвастовства. С колхоза крестьянин получает по общему правилу только хлеб для себя и корм для скота. Мясо, молочные продукты и овощи доставляются почти целиком приусадебными участками. А раз важнейшие жизненные продукты добываются изолированными усилиями семьи, не может быть и речи об общественном питании. Так карликовые хозяйства, создавая новую основу для домашнего очага, ложатся на женщину двойной ношей.

Число постоянных мест в яслях в 1932 г. составляло всего-навсего 600 000; сезонных мест, только на время полевых работ, — около 4 миллионов. В 1935 г. числилось около 5,6 миллионов ясельных коек, но постоянные составляли по-прежнему лишь незначительную часть общего числа. К тому же существующие ясли, даже в Москве, Ленинграде и других центрах, не удовлетворяют по общему правилу самым невзыскательным требованиям. «Ясли, в которых ребенок чувствует себя хуже, чем дома, — не ясли, а плохой приют», — жалуется руководящая советская газета. Не мудрено, если лучше поставленные рабочие семьи избегают яслей. А для основной массы трудящихся число даже этих «плохих приютов» слишком ничтожно. В самое последнее время ЦИК вынес постановление о том, чтобы подкидышей и сирот сдавать на воспитание в частные руки: в виде своего высшего органа бюрократическое государство признало, таким образом, свою несостоятельность в отношении важнейшей социалистической функции. Число детей, охватываемых детскими садами, поднялось за пятилетие 1930—1935 с 370 000 до 1 181 000. Поражает незначительностью цифра 1930 г.! Но и цифра 1935 г. кажется каплей в море советских семейств. Дальнейшее расследование показало бы с несомненностью, что главная и во всяком случае лучшая часть этих детских садов приходится на семьи администрации, технического персонала, стахановцев и пр.

Тот же ЦИК вынужден был недавно открыто засвидетельствовать, что «решение о ликвидации беспризорности и безнадзорности детей осуществляется слабо». Что скрывается за этим бесстрастным признанием? Только случайно мы узнаем из печатаемых мелким шрифтом газетных заметок, что в Москве более тысячи детей находятся в «чрезвычайно тяжелых семейно-бытовых условиях»; что в так называемых детских домах столицы имеется около 1 500 подростков, которые не имеют никуда доступа и предоставлены улице; что за два осенних месяца 1935 г. в Москве и Ленинграде «привлечены к ответственности 7 500 родителей, оставляющих своих детей без надзора». Какую пользу принесли судебные привлеченные? Сколько тысяч родителей избегли этой

участи? Сколько детей, находящихся в «чрезвычайно тяжелых условиях», осталось неучтено? Чем чрезвычайно тяжелые условия отличаются от просто тяжелых? Вот вопросы, которые остаются без ответа. Огромные размеры детской беспризорности, не только явной и открытой, но и замаскированной, являются прямым результатом великого социального кризиса, в течение которого старая семья продолжает распадаться гораздо скорее, чем новые учреждения оказываются способными заменить ее.

Массовая беспризорность детей есть, несомненно, самый безошибочный и самый трагический признак тяжелого положения матери. На этот счет даже оптимистическая «Правда» вынуждена подчас делать горькие признания: «Рождение ребенка является для многих женщин серьезной угрозой их положению». Именно поэтому революционная власть принесла женщине право на аборт, которое в условиях нужды и семейного гнета есть одно из ее важнейших гражданских, политических и культурных прав, что бы на этот счет ни говорили евнухи и старые девы обоего пола. Однако и это само по себе мрачное право женщины при фактическом социальном неравенстве превращается в привилегию. Отдельные проникающие в печать сведения о практике абортотворения имеют поистине потрясающий характер. Так, через одну только сельскую лечебницу в одном из районов Урала прошло в 1935 г. «195 изуродованных бабками женщин», в том числе 33 работницы, 28 служащих, 65 колхозниц, 58 домохозяек и проч. Уральский район отличается от большинства других районов только тем, что сведения о нем попали в печать. Сколько же женщин уродуется ежегодно на всем протяжении Союза?

Обнаружив свою неспособность обслужить женщин, вынужденных прибегать к вытравлению плода, необходимой медицинской помощью и гигиенической обстановкой, государство резко меняет курс и становится на путь запретов. Как и в других случаях, бюрократия превращает нужду в добродетель. Один из членов высшего советского суда, Сольц, специалист по вопросам брака, обосновывает предстоящее запрещение абортотворения тем, что в социалистическом обществе, где нет безработицы и пр. и пр., женщина не имеет права отказываться от «радостей материнства». Философия попа, который обладает в придачу властью жандарма. Только что мы слышали от центрального органа правящей партии, что рождение ребенка является для многих женщин, вернее было бы сказать, для подавляющего большинства, «угрозой их положению». Только что мы слышали от верховного советского учреждения: «ликвидация беспризорности и безнадзорности осуществляется слабо», что, несомненно, означает новый рост беспризорности. Но

вот высокий советский судья возвещает нам, что в стране, где «весело жить», аборт должны караться тюрьмой, — точь-в-точь как и в капиталистических странах, где жить грустно. Заранее ясно, что в СССР, как и на Западе, в лапы тюремщика будут попадаться главным образом работницы, прислуги, крестьянки, которым трудно утаить шило в мешке. Что касается «наших женщин», предъявляющих спрос на хорошие духи и другие приятные вещи, то они будут по-прежнему делать, что найдут нужным, под самым носом у благожелательной юстиции. «Нам нужны люди», — дополняет себя Солыц, закрыв глаза на беспризорных. «Тогда потрудитесь рожать их сами», — могли бы ответить высокому судье миллионы трудящихся женщин, если б бюрократия не запечатала их уста печатью молчания. Эти господа, видимо, окончательно забыли, что социализм должен устранить причины, толкающие женщину на выкидыш, а не принуждать ее к «радостям материнства» при помощи подлого полицейского вмешательства в самую интимную для каждой женщины сферу.

Законопроект о запрещении аборт был поставлен на так называемое всенародное обсуждение. Даже сквозь частое сито советской печати прорвалось наружу немало горьких жалоб и сдавленных протестов. Обсуждение было так же внезапно прекращено, как и объявлено. 27 июня ЦИК превратил постыдный законопроект в трижды постыдный закон. Даже кое-кто из присяжных адвокатов бюрократии смутился. Луи Фишер объявил законодательный акт чем-то вроде прискорбного недоразумения. На самом деле новый закон против женщин, с изъятиями для дам, представляет собою закономерный плод термидорианской реакции!

Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно — какое providенциальное совпадение! — с реабилитацией рубля, порождена материальной и культурной несостоятельностью государства. Вместо того, чтобы открыто сказать: мы оказались еще слишком нищи и невежественны для создания социалистических отношений между людьми, эту задачу осуществляют наши дети и внуки, — вожди заставляют не только склеивать заново черепки разбитой семьи, но и считать ее, под страхом лишения огня и воды, священной ячейкой победоносного социализма. Трудно измерить глазом размах отступления!

Все и вся втянуты в новый курс: законодатель и беллетрист, суд и милиция, газета и школьная кафедра. Когда наивный и честный комсомолец отваживается написать в свою газету: «Вы лучше занялись бы разрешением задачи: как выйти женщине из тисков семьи», он получает в ответ пару увесистых тумачков и — умолкает. Азбука коммунизма объявлена «левацким загибом».

Тупые и черствые предрассудки малокультурного мещанства возрождены под именем новой морали. А что происходит в повседневной жизни, во всех углах и закоулках необъятной страны? Печать лишь в ничтожной доле отражает глубину термидорианской реакции в области семейного вопроса.

Так как благородная страсть проповедничества растет вместе с ростом пороков, то седьмая заповедь приобретает в правящем слое большую популярность. Советским моралистам приходится лишь слегка обновлять фразеологию. Открыт поход против слишком частых и легких разводов. Творческая мысль законодателя уже изобрела такую «социалистическую» меру, как взимание денежной платы при регистрации развода и повышение ее при повторных разводах. Недаром мы отметили выше, что возрождение семьи идет рука об руку с повышением воспитательной роли рубля. Налог, несомненно, затруднит регистрацию для тех, кому трудно платить. Для верхов плата, надо надеяться, не представит препятствий. К тому же люди, располагающие хорошими квартирами, автомобилями и другими благами, устраивают свои личные дела без излишней огласки, следовательно, и без регистрации. Ведь только на социальном дне проституция носит тяжелый и унижительный характер — на верхах советского общества, где власть сочетается с комфортом, проституция принимает эlegantные формы маленьких взаимных услуг и даже обличье «социалистической семьи». От Сосновского мы слышали уже о важности «автомобильно-гаремного фактора» в перерождении правящего слоя.

Одну из очень драматических глав в большой советской книге составит повесть о разладе и распаде тех советских семей, где муж в качестве партийца, профессионалиста, военного командира или администратора рос, развивался и вырабатывал новые вкусы к жизни, а подавленная семьей жена оставалась на старом уровне. Путь двух поколений советской бюрократии усеян трагедиями отставших и отвергнутых жен. То же явление наблюдается ныне в новом поколении. Больше всего грубости и жестокости можно встретить, пожалуй, именно на верхах бюрократии, где очень высокий процент составляют малокультурные выскочки, считающие, что им все позволено. Архивы и мемуары раскроют когда-нибудь прямые уголовные преступления в отношении жен и вообще женщин со стороны недостижимых для судебной власти проповедников семейной морали и принудительных «радостей материнства».

Нет, советская женщина еще не свободна. Полное равноправие дало до сих пор несравненно бóльшие выгоды женщинам верхних слоев, представительницам бюрократического, технического, педагогического, вообще умственного труда, чем работницам и

особенно — крестьянкам. Пока общество не способно взять на себя материальные заботы о семье, женщина-мать может с успехом выполнять общественную функцию лишь при том условии, если к услугам ее имеется белая рабыня: няня, прислуга, кухарка и пр. Из 40 миллионов семейств, составляющих население Советского Союза, 5 %, а может быть и 10 %, прямо или косвенно строят свой «очаг» на труде домашних рабынь и рабов. Точное число советских прислуг имело бы не меньшее значение для социалистической оценки положения женщин в СССР, чем все советское законодательство, как бы прогрессивно оно ни было. Но именно поэтому статистика скрывает прислуг под именем работниц или «прочих».

Положение матери семейства, почтенной коммунистки, у которой есть кухарка, телефон для заказов в магазинах, автомобиль для развозов и пр., имеет мало общего с положением работницы, которая вынуждена бегать по лавкам, сама готовить обед и пешком приводить детей из детского сада, если он вообще существует. Никакие социалистические этикетки не скроют этого социального контраста, который не меньше, чем контраст между буржуазной дамой и пролетаркой в любой стране Запада.

Действительно социалистическая семья, с которой общество снимет повседневную обузу невыносимых и унижительных забот, не будет нуждаться ни в какой регламентации, и самое понятие законодательства об абортах или разводе будет для нее звучать не многим лучше, чем воспоминанья о домах терпимости или человеческих жертвоприношениях. Октябрьское законодательство сделало смелый шаг в сторону такой семьи. Экономическая и культурная отсталость вызвала жестокую реакцию. Термидорианское законодательство отступает к буржуазным образцам, прикрывая отступление фальшивыми речами о святости «новой» семьи. Социалистическая несостоятельность и в этом вопросе прикрывается ханжеской респектабельностью.

Есть искренние наблюдатели, которых, особенно в вопросе о детях, потрясает противоречие между высокими принципами и неприглядной действительностью. Один такой факт, как свирепые уголовные кары против беспризорных детей, способен внушить мысль, что социалистическое законодательство в защиту женщины и ребенка — не что иное, как сплошное лицемерие. Есть противоположный род наблюдателей, которых подкупает широта и великодушные замыслы, облеченного в форму законов и административных органов; при виде бьющихся в нужде матерей, проституток и беспризорных эти оптимисты говорят себе, что дальнейший рост материального богатства наполнит постепенно социалистические

законы плотью и кровью. Нелегко решить, какой из двух подходов ошибочнее и вреднее. Не видеть широты и смелости социального плана, значительности первых этапов его выполнения и открывающихся великих возможностей могут только люди, пораженные исторической слепотой. Но нельзя, с другой стороны, не возмущаться пассивным, по существу, индифферентным оптимизмом тех, которые закрывают глаза на рост социальных противоречий и утешают себя видами на будущее, ключ от которого они почтительно предлагают оставить в руках бюрократии. Как будто равенство прав женщины и мужчины не превратилось уже в равенство их бесправия перед бюрократией! И как будто в какой-нибудь вещей книге твердо обещано, что советская бюрократия не может принести новый гнет вместо освобождения.

Как мужчина поработал женщину; как эксплуататор подчинял себе их обоих; как трудящиеся пробовали ценою крови освободиться от рабства и только сменили одни цепи на другие, — обо всем этом история может рассказать многое; в сущности, она не рассказывает ничего другого. Но как действительно освободить ребенка, женщину, человека, на этот счет готовых положительных примеров еще нет. Весь прошлый исторический опыт, насквозь отрицательный, требует от трудящихся прежде всего непримиримого недоверия к привилегированным и бесконтрольным опекунам!